

Глубокой ночью в большом поместье клана Гу.

Гу Линь проснулся от испуга из-за пронзительного крика. Разомкнув глаза, он увидел, что лежит на огромной кровати.

Комната была просторной, а её убранство — скромным и изысканным, что показалось ему странно знакомым. Стоило задуматься, как он понял: разве это не то место, где он жил в клане Гу до десяти лет!

— А! — ещё один крик вернул его к реальности. Он скатился с кровати, бросился к окну и с изумлением обнаружил, что его рост едва достигает нижней перекладины.

Как такое возможно?

Он недоверчиво протянул руку навстречу лунному свету, струящемуся из окна, и растопырил пять пальцев. Но её размеры никак не соответствовали руке взрослого человека — в лучшем случае это была ладонь ребёнка лет десяти.

Десять лет?!

Сердце его пропустило удар. Желая немедленно проверить свою догадку, он распахнул дверь и выбежал наружу. Не успел он пробежать и пару шагов, как до него донеслись новые, ещё более пронзительные вопли: трое или четверо крепких людей в черном и с масками на лицах размахивали острыми мечами, без разбора рубя всех подряд. Весь внутренний двор был залит кровью, повсюду валялись трупы, обрубленные конечности и внутренности. Судя по еще не изуродованным телам, это были служанки и слуги из поместья.

Точно такая же знакомая сцена разворачивалась двадцать лет назад, когда клан Гу подвергся истреблению.

Неужели даже небеса увидели его горечь и не позволили его душе обратиться в прах, а вместо этого вернули в ту самую ночь катастрофы, когда ему исполнилось десять лет, чтобы всё началось сначала?

Возможность снова ходить не принесла никакой радости — он еще не полностью владел своими конечностями.

Если уж ему довелось прожить жизнь заново, почему они не вернули его на день раньше?

Будь у них в запасе хотя бы на один день больше, возможно, клан Гу и не постигла бы эта страшная участь...

В этот момент двое людей в черном заметили его. Они направились в его сторону, поднимая мечи.

— Марионетки? — воспользовавшись тем, что его детское тело было легким и подвижным, Гу Линь перекатился по земле и увернулся. Заметив их заторможенные движения и странную ауру, он мгновенно понял, что перед ним низшие марионетки.

Тот, кто смог создать подобных кукол, вряд ли обладал высоким уровнем культивации. Но для Гу Линя, чья культивация в прошлой жизни давно рассеялась, а в этой ему едва исполнилось десять, ситуация была критической. Согласно строгим правилам клана Гу, всем потомкам младше пятнадцати лет категорически запрещалось ступать на путь бессмертных. На данный момент он еще официально не начал культивацию и не обладал никакой силой. С такими тонкими ручками и ножками даже самая слабая марионетка способна лишить его жизни.

Вступать в открытый бой нельзя, оставалось лишь положиться на хитрость.

Гу Линь вспомнил, что его отец, опасаясь непредвиденных обстоятельств, всегда прятал в небольшой мешочек на поясе несколько огненных талисманов. Сила этих талисманов была невелика, но для уничтожения подобных марионеток их вполне хватило.

Вот только сейчас на нем была лишь нижняя одежда, а тот самый мешочек, судя по всему, остался лежать рядом с верхней одеждой в той комнате.

Гу Линь бросился обратно. К счастью, марионетки двигались медленно, и даже будучи десятилетним ребенком, он бежал со всех ног, не позволяя им догнать себя.

Схватить мешочек, швырнуть талисманы — всё было сделано одним плавным движением. Гу Линь смог выдохнуть только тогда, когда от двух марионеток осталась лишь горстка пепла. Подняв голову, он увидел, как в комнату входит его отец.

Отца звали Гу Хай, он был нынешним главой клана Гу. Ему было около тридцати лет, лицом он вышел статным и привлекательным, вот только сейчас его красивое лицо было бледным, как бумага, а на груди темнели пятна крови.

В прошлой жизни, охваченный страхом, Гу Линь спрятался на кухне и так и не встретился с отцом. Когда его наконец вытащили спасатели, поместье уже полыхало в огне, и ему оставалось лишь издали смотреть, как тела его родителей, прижавшись друг к другу, окончательно исчезают в пламени.

Тогда он словно обезумел и рвался вперед, но спаситель оглушил его, и в себя он пришел уже в Секте Сюаньтянь, за тысячи ли отсюда.

Годы тоски заставили голос Гу Линя слегка задрожать, и он почти со слезами на глазах

позвал:

— Отец...

Ему так хотелось выплеснуть все несчастья и обиды прошлой жизни, а затем, как в былые времена, уткнуться в отцовские объятия и почувствовать его тепло, но сейчас было не время.

Гу Хай остался весьма доволен реакцией сына. Раз тот способен действовать так хладнокровно, даже если сам он погибнет, ребенок не пропадет. Широким взмахом руки он затянул Гу Линя на свой летящий меч и устремился вдаль. На лету он мягко похлопывал сына по спине, утешая:

— Лин-эр, не бойся, папа ответит тебя в безопасное место.

Гу Линь поднял на него глаза, и его большие глаза подернулись легкой пеленой слез.

— Отец, а где мама?

Гу Хай всем телом вздрогнул, и без того бледное лицо побледнело еще сильнее, словно он сдерживал невыносимую боль. Лишь спустя мгновение он произвел:

— Твоя мама... у нее есть дела. Вот доставлю Лин-эр в безопасное место, и... заберу твою маму.

Гу Линь опустил взгляд, пряча слишком сложные чувства. По одной лишь реакции Гу Хая он прекрасно понимал: его матери, судя по всему, уже не выжить.

В прошлой жизни, запертый в той глиняной хижине, Гу Линь вспоминал чаще всего именно этих двоих. Хотя прошло всего десять лет, и он мало что запомнил из того времени, это были самые счастливые и беззаботные дни его жизни. Кто бы мог подумать, что, прожив жизнь заново, он даже не сможет взглянуть на маму.

В этот момент сзади внезапно появились два луча света, неотступно преследовавшие их. Бросив беглый взгляд и заметив фигуры в черном, Гу Линь понял, что погода настигла их.

Судя по опыту прошлой жизни, культивация этих двоих находилась по меньшей мере на Стадии Зарождающейся Души, в то время как Гу Хай едва достиг Ранней ступени Золотого Ядра да к тому же был тяжело ранен. То, что он смог долететь с ним досюда, уже было пределом его возможностей, и о каком противостоянии этим двоим не могло быть и речи.

Гу Хай прекрасно понимал это. Осознавая, что нельзя вступать в прямую схватку, он поспешно убрал летящий меч, прижал к себе Гу Линя и опустился в густой лес. Оставив бег, они петляли среди деревьев, пока не отыскивали подходящее для укрытия дупло. Затолкав туда сына, Гу Хай выплюнул черный сгусток крови и зашелся в яростном кашле. Лишь через долгое время

дыхание его немного выровнялось.

Гу Хай отчетливо понимал, что находится на исходе сил, но как он мог уйти со спокойной душой, когда его маленький ребенок оставался в смертельной опасности?

Посмотрев на Гу Линя несколько мгновений, он тяжело вздохнул, сложил пальцы в форме когтей и вонзил их себе в дантянь, вытаскивая наружу окровавленные пальцы. Среди кровавых брызг на его ладони пульсировал комок золотого пламени размером с младенческую ладошку.

Для любого практика дантянь имеет жизненно важное значение. Гу Линь был потрясен и напуган этим актом самоистязания. В оцепенении он услышал голос отца:

— Наш клан Гу тысячу лет назад имел счастье получить наследие Мастера Духов Оружия, и я — уже восемьдесят второй его хранитель. У меня, Гу Хая, только один сын, и это наследие рано или поздно должно было достаться тебе. Что ж, пусть это случится сейчас. Отныне ты — восемьдесят третий глава клана Гу.

Гу Линь замер, во все глаза глядя, как сгусток золотого пламени сорвался с ладони Гу Хая и скользнул прямо в его дантянь. Но это было похоже на падение капли воды в озеро — не последовало никакой реакции.

Едва передача наследия завершилась, лицо Гу Хая стало стремительно стареть прямо на глазах. С нежностью погладив сына по голове, он произнес:

— Пообещай папе: ты активируешь наследие только тогда, когда тебе исполнится пятнадцать.

Хоть Гу Линь еще не активировал наследие, воспитываясь в клане Гу, он так или иначе слышал о преданиях Мастеров Духов Оружия. Например, о том, что передача наследия для каждого главы клана равносильна добровольному отказу от собственной жизни.

В глазах мальчика блеснули слезы, но, несмотря на всю боль расставания, он все же кивнул.

Оставаясь довольным сыном, Гу Хай продолжил напутствие:

— Когда эти люди догонят тебя, скажи им, что я бросил тебя и сбежал в одиночку. Какое-то время они не станут причинять тебе вреда. При первой же возможности убегай от них, найди тихое место, смени имя и живи дальше.

С этими словами Гу Хай не дождался ответа сына, рассыпался ворохом сухих костей, которые тут же растаяли прахом и полностью рассеялись в воздухе. В тот же миг двое людей в черном отыскивали это место.

Гу Линь вылез из дупла, опустив голову и пряча убийственный блеск в глазах.

Он обязательно отомстит за смерть родителей, но сейчас он слишком слаб, и время открыто выступать еще не пришло.

Когда он снова поднял голову, на его лице остался лишь страх, испуг и слабый отблеск детской привязанности.

Один из преследователей уже собирался сделать шаг вперед, но напарник остановил его.

Тот недовольно нахмурился и резко бросил:

— Зачем ты меня держишь?

— Старший брат, пока этот сопляк у нас в руках, разве тот старик посмеет утаить сокровище? К тому же, взгляни на тело этого ребенка.

Остановленный человек слегка растерялся. Небрежным движением он притянул к себе Гу Линя, запечатав его движения, и окинул мутным взглядом с ног до головы. Мгновенно в его глазах вспыхнули две яркие искры. Он жадно уставился на личико мальчика, словно собираясь разобрать того по косточкам и проглотить:

— Чудесно, чудесно, чудесно! Не думал, что этот мальчишка обладает легендарным Телом Чистого Инь. Такая превосходная конституция Котла... Думаю, я, старший брат, заберу его себе, и ты, младший брат, не станешь возражать?

— У меня слишком низкая культивация, куда мне портить такую прекрасную вещь.

Его спутник остался вполне доволен пониманием младшего товарища. Его взгляд на Гу Линя стал еще более хищным, хотя напускная доброжелательность на лице сохранилась:

— Малыш, не хочешь ли стать моим учеником?

Гу Линя от одного этого взгляда едва не вывернуло наизнанку. Сдерживая подступающую тошноту, он продолжал изображать перепуганного до полусмерти ребенка, который от страха лишился дар речи, не выражая ни согласия, ни протеста.

Тот подождал немного, но не дождавшись ответа, раздраженно взмахнул рукой, намереваясь ударить мальчика по лицу. Однако удар так и не достиг цели: ослепительный белый луч молниеносно обрушился сверху, в одно мгновение отрубив преследователю обе руки по самые плечи.

Мужчина дико завопил, пока его спутник в панике оттаскивал его назад на несколько десятков шагов, едва успевая уклониться от следующей волны атаки.

Гу Линя отбросило на землю, но тут же подхватило потоком теплой энергии, бережно заключая в объятия. Подняв голову, он встретился взглядом с парой глубоких, ледяных глаз.

Белые одежды, черные как смоль волосы, безупречные, словно высеченные из камня черты лица, излучающие морозный холод. Одно лишь его присутствие здесь заставляло ауру давить на окружающих так сильно, что возникало непреодолимое желание пасть ниц.

Гу Линь прекрасно знал этого человека — это был Первый старейшина Секты Сюаньтянь, Хань Тяньчэнь.

Он также знал, что Хань Тяньчэнь появился здесь неслучайно: когда-то между его отцом Гу Хаем и Хань Тяньчэнем существовала наставническая связь. Предчувствуя беду, незадолго до катастрофы Гу Хай отправил послание Хань Тяньчэню в надежде на помощь. Но Хань Тяньчэнь всегда славился своим холодным и отстраненным нравом, поэтому Гу Хай до конца не был уверен, откликнется ли этот учитель на зов, и в итоге продолжил готовиться к худшему.

Вот только никто не ожидал, что Хань Тяньчэнь вовсе не отказался прийти — он просто опоздал...

<http://bllate.org/book/25473/3036656>